

Услышав слова гостыи, Мэн Фуюэ поднялась с места:

— Братец Хуа, у тебя дела, не буду мешать. Пойду я.

Цю Хуанянь проводил её до ворот. Строительство поместья полностью завершилось: новые кирпичные стены, ровные и крепкие, вытянулись почти на три метра в высоту, надёжно укрывая жизнь семьи от любопытных глаз. Главный вход украшали врата Жуюи — символ счастья и исполнения желаний. Помимо самих створок, проём был выложен изящной кирпичной кладкой, а под карнизом тянулся ряд резных плит, имитирующих каменную балюстраду с причудливыми узорами. Выглядело это необычно и крайне благородно.

Выйдя за порог, Мэн Фуюэ обернулась, ещё раз окидывая взглядом эти светлые, просторные ворота, каких в деревне отродясь не видывали. Заметив ожидающий экипаж из поместья цзюйжэня Суна, она невольно вздохнула, охваченная смесью зависти и восхищения.

Всего за полгода семья Хуаняня стала самой преуспевающей в Деревне семьи Ду. Трудно было представить, каких высот они достигнут через пару лет. Маленькая деревня явно становилась для них тесной.

Когда гостыя ушла, юноша велел Чуньшэну проводить возничего с повозкой к задним постройкам-чжаофан, а сам пригласил в дом Чуньшуй — служанку госпожи Сун. Та уже не раз бывала здесь и уверенно шагнула за порог, украдкой разглядывая законченное здание. В прошлые её визиты стройка ещё кипела, и лишь теперь поместье предстало перед ней во всём великолепии.

Сразу за вратами Жуюи гостей встречала кирпичная ширма-индяби, увенчанная изящным козырьком для защиты от дождя. Её края украшала резьба, а в центре, на белом известковом поле, красовалась яркая картина: дары осени и богатый урожай, дополненные строками каллиграфии, выведенными уверенной, твердой рукой.

Обойдя индяби, гость оказывался во внутреннем дворе, расчерченном крест-накрест кирпичными дорожками. Они соединяли ворота, главный дом и боковые флигели, позволяя даже в ненастье ходить в чистой обуви. Дорожки делили двор на четыре части: в северо-восточном углу тянулось к небу молодое персиковое дерево, а в юго-западном стояли каменный стол и скамьи — идеальное место для отдыха в погожий денек.

Главное здание и флигели соединялись симметричными крытыми галереями-чаошоу, которые придавали усадьбе законченный, монументальный вид. За боковыми пристройками-эрфан виднелись крыши задних служебных помещений.

Конечно, этот дом не мог тягаться с резиденцией цзюйжэня Суна в городке Таохуа, но для уезда Чжан он был необычайно величественен. Пожалуй, даже не всякий богатей из города

смог бы выстроить нечто подобное.

Чуньшуй, выровная в знатном доме и повидавшая свет, понимала: ценность этого жилища была не в количестве комнат или высоте стен, а в тонком вкусе и изобретательности хозяина, которые чувствовались в каждой детали. Не зря господин и госпожа так высоко ценили семью молодого сюая Ду.

Усевшись, Чуньшуй достала из-за пазухи визитную карточку, обтянутую тонким шелком, и протянула её Хуаняню:

— Моя госпожа давно хотела заглянуть к вам в гости, да боялась помешать, пока у вас шло строительство. Как только прошел слух, что дом закончен, она велела мне доставить это приглашение.

Развернув свиток, юноша прочел, что госпожа Сун намерена через три дня нанести визит вместе со своей племянницей Чи Цинхэ.

После того как Ду Юньсэ занял первое место на уездном экзамене, получив звание юаньяншоу, цзюйжэнь Сун стал относиться к нему как к равному. Хотя сам Сун и не дошел до высшей степени цзиньши, его опыт службы уездным судьей подсказывал: с талантом Юньсэ титулы цзюйжэня и даже цзиньши — лишь вопрос времени. А раз так, зачем цепляться за временную разницу в статусах?

Хуанянь убрал карточку, прошел в кабинет и подготовил ответное письмо. Он пригласил госпожу Сун и Чи Цинхэ отобедать у них, стараясь подражать изысканному и сдержанному слогу гостя. С ростом славы Ду Юньсэ таких светских обязанностей будет становиться всё больше, и Цю Хуаняню нужно было учиться соответствовать новому положению.

На следующее утро, ещё до рассвета, Хуанянь и Ду Юньсэ вышли к окраине деревни, чтобы проводить Шилиу.

Солнце ещё не взошло, и лишь белесая полоса на горизонте предвещала начало дня. Шилиу вел коня под уздцы. Дойдя до околицы, он остановился.

— Возвращайтесь, — негромко произнес он, не оборачиваясь.

Хуанянь хотел было что-то сказать, но в груди вдруг защемило. Они были знакомы совсем недолго, да и характер гостя не располагал к душевным излияниям, но за эти считанные дни он оставил в душе юноши неизгладимый след. Шилиу был могущественным, загадочным, но где-то в глубине души Хуанянь чувствовал: этот человек бесконечно одинок и, быть может, по-своему уязвим.

Конь нетерпеливо всхрапнул. Шилиу легко вскочил в седло и пустил скакуна вскачь. Свет зари, разгораясь всё ярче, очертил его фигуру призрачным сиянием, пока тот окончательно не скрылся из виду, превратившись в едва заметную точку.

Хуанянь вздохнул, глядя вдаль. Шилиу уехал, забрав с собой все загадки: его внезапные перемены в настроении и противоречивые слова остались лишь тенью, запертыми в прошлом. Свидятся ли они вновь? Слова, сказанные Шилиу накануне — «Пути наши расходятся, и, скорее всего, мы больше никогда не увидимся», — камнем лежали на сердце.

Вернувшись домой, Хуанянь достал меч Фушу. Вытянув клинок из ножен, он долго рассматривал его. Холодная сталь мерцала в лучах солнца, но, как юноша ни старался, он не нашел ни тайных знаков, ни скрытых посланий. Похоже, Шилиу действительно просто подарил ему это оружие — без всякого двойного смысла.

Прошло ещё два дня. В назначенный срок Хуанянь подготовился к приему: закупил в городке сладости и фрукты, прибрал во дворе. Сразу после полудня экипаж госпожи Сун доставил хозяйку и её племянницу к воротам усадьбы.

За те два месяца, что они не виделись, Чи Цинхэ заметно похорошела. Тяжелая печаль, прежде не покидавшая её чела, рассеялась, уступив место спокойному, хоть и чуть замкнутому выражению лица. Чуньшуй сказывала, что госпожа Сун часто берет племянницу с собой в свет, стараясь развеять её меланхолию, и, судя по всему, старания эти давали плоды.

В главной комнате госпожа Сун грациозно пригубила чай:

— Сегодня мне повезло насладиться у вас отменным сбором.

— Этот чай Юньсэ привез из префектуры. Ему подарили его на чайной встрече в академии Цинфэн, — улыбнулся Хуанянь. — Рад, что он вам по вкусу.

— Мой супруг вечно грезит об этой академии, — рассмеялась гостя. — В юности ему не довелось там учиться, так что дома я обязательно заставлю его позавидовать.

Госпожа Сун вела себя на редкость приветливо. Она расспросила Хуаняня о домашних делах, похвалила новые вышивки Цзюцзю, осмотрела дом и сад. И лишь когда беседа потекла в непринужденном русле, она велела Чуньшуй проводить девочек в сад — полюбоваться видами.

Правда, смотреть в саду Хуаняня было пока особо не на что: старая груша, небольшой огород да привязанный мул. Понятно было, что «прогулка» — лишь повод остаться наедине.

Когда Чи Цинхэ и Цзюцзю ушли, госпожа Сун перешла к делу:

— Хуанянь, мы с тобой земляки, живем бок о бок, да и судьба нас связала. У меня есть к тебе одна просьба. Надеюсь, ты не откажешь, помня о нашей дружбе?

Юноша догадывался, что визит затеян неспроста.

— Прошу вас, говорите.

Госпожа Сун вздохнула:

— Цинхэ — дочь моего родного брата. С детства её растили как драгоценную жемчужину, она сведуща в музыке и науках. После семейных невзгод брат отправил её ко мне. Она живет у нас уже несколько месяцев, и я понимаю: нельзя ей вечно сидеть в четырех стенах. Я хотела нанять учителей, но в наших краях трудно найти достойного наставника, да и сверстниц, с кем бы она могла учиться, у неё нет.

— Я много думала и вспомнила про вашу Цзюцзю. Хотя она и младше Цинхэ на пять лет, но на редкость рассудительна и умна. К тому же Цинхэ обязана ей жизнью. Девочка она замкнутая, чужих боится, и только с Цзюцзю она по-настоящему раскрывается.

Хуанянь начал понимать, к чему клонит гостя:

— Вы хотите, чтобы Цзюцзю стала компаньонкой для молодой госпожи Чи?

Госпожа Сун улыбнулась:

— Пусть подружки вместе учатся, играют, делятся девичьими секретами — какая уж тут «компаньонка». К тому же подумай сам: с талантами Юньсэ Цзюцзю рано или поздно станет знатной барышней. Пока она мала, ей полезно обучиться искусствам. В будущем это умение не раз сослужит ей добрую службу.

— Если ты не против, раз в три дня мои люди будут забирать девочку к нам. Я сама обучу их игре на цитре. На днях я нашла в кладовой маленькую цитру, на которой когда-то училась моя дочь — я хочу подарить её Цзюцзю. А в остальное время, если вам будет удобно, я бы присылала Цинхэ сюда, чтобы они вместе читали книги. Получить наставление от самого «сяо сань юаня» Ду Юньсэ — это ли не редкая удача?

После таких слов у Хуаняня не осталось причин для отказа. Цзюцзю уже повзрослела, и ей действительно нужно было учиться новому. Госпожа Сун в юности получила блестящее образование, а годы жизни в статусе супруги судьи дали ей опыт, который Хуанянь передать не мог — будь то игра на цитре или светские правила.

Когда Хуанянь согласился, лицо гостя просияло:

— Завтра же велю прислать бумагу, кисти и книги. Надеюсь, Цинхэ не доставит вам хлопот.

Она уже оценила просторный кабинет в новом доме и осталась довольна. Из чужих там бывал только соседский мальчик Юнькан, ровесник Чуньшэна. С Цзюцзю и служанками Чи Цинхэ была в полной безопасности. Здесь, на севере, нравы были куда свободнее, чем на юге, что и стало одной из причин, почему родители отправили девушку к тетке.

Когда госпожа Сун уехала, Хуанянь рассказал сестре о её предложении. Глаза девочки радостно вспыхнули — она жаждала знаний и новых впечатлений. Юноша ласково погладил её по голове:

— Доставай шелка и украшения, что подарила госпожа Сун. Наша Цзюцзю скоро станет настоящей барышней.

Раз уж ей предстояло учиться вместе с дочерью знатного рода, Хуанянь решил, что сестра не должна уступать ей в нарядах, дабы слуги в поместье Сун не смели смотреть на неё свысока.

Девочка едва не запрыгала от восторга. С трудом сдерживая чувства, она серьезно спросила:

— Эти ткани стоят уйму денег. Не слишком ли это расточительно?

Хуанянь щелкнул её по носу:

— Глупышка, разве траты на себя — это расточительство? Раньше тебе некуда было это надеть, да и росла ты быстро. А сейчас — самый подходящий случай. Мы ведь не настолько бедны, чтобы продавать подарки. Или тебе не нравятся новые наряды?

— Нравятся! — прошептала Цзюцзю, потупив взор.

С тех пор как в доме появились эти отрезки шелка, она каждый день украдкой любовалась ими. Но сестра и мечтать не смела, что наступит день, когда она их наденет.

— Ну, беги за наставницей Люхуа. Посоветуйтесь, какой фасон лучше выбрать.

Цзюцзю кивнула и, забыв о напускной степенности, вихрем умчалась со двора. Хуанянь лишь с улыбкой покачал головой.

Вскоре Вэй Люхуа уже была на пороге, неся на руках маленького Ю-гээр. Теперь, когда семья Чжао исчезла из деревни навсегда, Люхуа расцвела. Жизнь её стала спокойной. Она опустила сына на землю. Малыш, немного пошатываясь, уверенно зашагал по кирпичной дорожке к Хуаняню. Протянув пухлые ручонки, он пролепетал:

— Сахал! Сахал!

Люхуа смущенно рассмеялась:

— И когда только выучил!

Хуанянь присел перед мальчиком:

— Хочешь сахару? Назови меня дядюшкой — и получишь.

Ю-гээр широко открыл глаза, безуспешно пытаясь выговорить слово, чем вызвал веселый смех юноши.

— Видать, я слишком часто баловал его сладостями. Теперь он, завидев меня, сразу требует угощение.

Хуанянь завел малыша в дом и протянул ему кусочек нежного печенья с османтусом:

— Сегодня вместо сахара будет кое-что получше.

Маленькие ручки Ю-гээр бережно приняли угощение. Он с любопытством откусил кусочек и довольно зажмурился.

— Мама, мама! — он потянулся к Люхуа, желая поделиться.

— Ешь сам, маленький, — улыбнулась та. — Только осторожно, не подавись.

Глядя на здорового малыша, Хуанянь вдруг посерьезнел. Он попросил Цзюцзю увести ребенка поиграть во дворе.

— Хуанянь, что-то случилось? — улыбка сползла с лица Люхуа.

— Люхуа, выбери время и съездите всей семьей в город к лекарю.

— К лекарю? Зачем? — не поняла та.

— В ту ночь, когда виновных поймали, Шилиу нашел в вашем доме несколько свертков с порошками. Хоть вы и кажетесь здоровыми, лучше перестраховаться.

Люхуа побледнела, дыхание её перехватило. Ей и Юньху — ладно, они взрослые, но Ю-гээр... Он ведь такой маленький. Если с ним что-то случится, она этого не переживет.

— Что это за снадобья? Чьи они?!

— Там было два вида: одни нагоняют сон, другие — из тех, что разжигают страсть. Думаю, позор Ду Юньцзина в префектуре был подстроен с помощью этих порошков, а принесла их в дом Ли Гуэр.

— Ли Гуэр... — прошипела Люхуа сквозь зубы.

Госпожа Чжао тоже подозревала ту девицу, но доказать ничего не могла. А правда открылась лишь благодаря таинственному гостю Хуаняня.

Чжао не доверяла Люхуа и Юньху, вечно от них таилась. В ту ночь Люхуа спала во флигеле, как вдруг услышала шум. Когда они с мужем прибежали, Чжао, Юньцзин и Баоцюань уже лежали на полу, а над ними возвышалась пугающая фигура Шилиу.

Люхуа хотела было закричать, но этот человек окинул их таким ледяным взглядом, что она приросла к месту. Шилиу выволок Чжао во двор, за поленницу. Вскоре оттуда донесся такой жуткий крик, что кровь застыла в жилах. А через мгновение он вышел, таща за собой Чжао с кляпом во рту, и коротко бросил: «Веревку».

Люхуа, не раздумывая, принесла путы. Юньху хотел было остановить её, но она лишь кивнула в сторону их комнаты, где спал Ю-гээр, и муж опустил руки.

Прошло уже несколько дней, но женщина до сих пор содрогалась при мысли о той ночи. На следующее утро, когда изменников увезли, Люхуа набралась смелости и заглянула за поленницу. На земле в углу темнели капли крови, а рядом лежал маленький розовый лоскут плоти с ровным, аккуратным срезом. Она поняла — это язык госпожи Чжао. Ужас и чувство свершившейся мести смешались в её душе. Она никому об этом не сказала и сама прибрала следы, словно ничего и не было. Но с того дня в их доме больше не слышалось бесконечной ругани.

Хуанянь заверил невестку, что порошки эти действуют лишь при долгом приеме, а Ли Гуэр вряд ли успела скормить им много. Но Люхуа твердо решила: как только Юньху вернется из города, они немедленно поедут к врачу. Она должна была всё рассказать мужу, чтобы тот знал, каких змей они грели на груди!

Госпожа Сун слов на ветер не бросала. Уже на следующее утро слуги доставили мебель для кабинета. Хуанянь наблюдал за разгрузкой: на этот раз, помимо Чуньшуй, приехала и новая

главная служанка Чи Цинхэ — Цяоинь. Прежняя прислужница, Цзао'эр, исчезла бесследно.

Служанки ловко распоряжались возникшими. Вскоре в кабинете стояли четыре изящных столика для письма и один большой стол — всё из драгоценного дерева хуанхуали, украшенное тонкой резьбой с цветочными мотивами. К ним прилагались и подходящие табуреты.

— Моя госпожа велела купить это у мастера. Он как раз закончил целый гарнитур. Госпожа рассудила, что один столик будет смотреться сиротливо, и велела забрать всё, — пояснила Чуньшуй.

Это был тонкий жест со стороны госпожи Сун. Она не хотела, чтобы Чи Цинхэ чувствовала себя чужой в доме Хуаняня, а заодно одарила и остальных. Помимо мебели, привезли и гору писчих принадлежностей — хватило бы и Цзюцзю, и Чуньшэну, и даже Юнькану.

Мальчик Юнькан продолжал учиться у Ду Юньсэ. У него были явные способности к наукам — конечно, не такие блестящие, как у учителя в детстве, но титул сюэя в будущем был ему вполне по плечу. Для его родителей, тётушки Цюянь и дяди Баошаня, это было пределом мечтаний.

Пока возникшие таскали мебель, Чуньшуй и Цяоинь расставляли на полках книги. В нынешнее время книги стоили целое состояние, а госпожа Сун разом прислала более десяти томов, которых у Хуаняня ещё не было. Юноша сам расставлял книги по полкам, приглядев пару-тройку томов для вечернего чтения. В этом мире, бедном на развлечения, он всё больше ценил тишину и изысканность классического слога.

Напоследок служанки выгрузили огромный тюк с постельным бельем и одеждой, оставив его в комнате Цзюцзю — на случай, если молодая госпожа Чи захочет прилечь отдохнуть или остаться на ночь.

Через два дня были готовы и новые наряды для Цзюцзю. Экипаж из поместья Сун прибыл за ней точно в срок. Хуанянь проводил сестру до ворот.

Девочка была чудо как хороша: платье цвета «пьяной наложницы» — нежно-розовое с коралловым отливом — выгодно подчеркивало её свежее личико. Волосы были уложены в аккуратные узлы, украшенные шелковыми цветами-жунхуа и золотыми шпильками с жемчугом. На руке поблескивал нефритовый браслет — подарок госпожи Сун. В этом наряде девочка вмиг повзрослела. Было видно, что красотой она пошла в своего брата, Ду Юньсэ.

— Наша маленькая красавица просто ослепительна, — поддразнил её Хуанянь.

— Братец Хуа! — зарделась та, не в силах скрыть счастливой улыбки.

Юноша хотел ещё что-то сказать, но заметил, как радость на лице девочки вдруг погасла.

Обернувшись, он увидел на тропинке фигурку Цуньянь, дочки главы клана. Девочка быстро скрылась за углом.

— Цзюцзю?

Сестра лишь покачала головой:

— Всё хорошо, братец Хуа.

Заметив, что Хуанянь хочет спросить подробнее, она вновь улыбнулась:

— Правда, братец Хуа, я уже взрослая и всё понимаю. Я со всем справлюсь, не волнуйся.

<http://bllate.org/book/15363/1416978>